

• МАКС •
МАКСИМОВ

ВХОД В РАЙ 2

Фантастика от звезды YouTube

Макс Максимов

Вход в рай 2

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Максимов М.

Вход в рай 2 / М. Максимов — «Эксмо», 2022 — (Фантастика от звезды YouTube)

ISBN 978-5-04-160747-0

Свершился Великий суд, и мир поглотила тьма. Демоны забирают души людей. На улицах повсюду лежат растерзанные тела. В живых почти никого не осталось. Ева ищет вход в рай, чтобы спасти души любимого отца Антона и робота Саши. Но она не одинока на своем пути. Спасет ли Ева близких и найдет ли рай? Продолжение самой популярной истории Макса Максимова откроет все тайны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160747-0

© Максимов М., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Ева	6
Левий	9
Антон	11
Ева	14
Левий	19
Антон	23
Ева	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Макс Максимов

Вход в рай 2

© Максимов М., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Ева

Несколько дней после Великого суда

Трупы под ногами Евы в некоторых местах лежали в два слоя. Девочка покинула пределы родного города несколько дней назад. За время недолгого путешествия по шоссе на юг на ее пути встречались заброшенные заправки с пустыми машинами на парковке, магазины с разбитыми витринами, деревни-призраки и даже один небольшой опустевший городок, в котором девочка провела позапрошлую ночь. Но со вчерашнего вечера слева и справа от Евы был только лес. Лес и трупы под ногами. Ночевала Ева в домах не из-за того, что ей был необходим отдых или сон, а потому что идти в крошечной тьме (из-за отсутствия фонарных столбов и луны), да еще и по трупам оказалось совершенно невозможно.

Этим ранним осенним утром моросил дождь, и капли, падая, смешивались с кровью растерзанных демонами людей, лежащих повсюду, куда ни глянь. Девочка научилась держать равновесие, стараясь наступать на спины или животы убитых. Иногда попадались участки пути, где трупов становилось меньше, а местами просматривался бордовый от крови асфальт.

Тогда, три дня назад, Ева надеялась, что чем дальше она отойдет от города, тем станет меньше трупов. Надежды не сбылись, ведь мертвых стало больше. Возможно, эта территория когда-то была плотно заселена, или люди шли по шоссе к городу, когда демоны начали разрывать их, а может, здесь было поле боя в древние времена, где погибли десятки тысяч солдат. По одежде убитых было сложно определить, к какой эпохе они относились.

Стояла страшная вонь от гниения истерзанных тел, и будь Ева смертна, она, скорее всего, отравилась бы, надышавшись трупными газами. С головы до ног вымазанная кровью тысяч людей, Ева пробиралась ко входу в рай, снова и снова начиная мысленный диалог с Богом. Девочка выдумывала вопросы для Создателя, надеясь, что он потратит свое драгоценное время, отвечая на них. Самыми главными для нее вопросами были – простит ли Бог Антона и даст ли душу Саше? Также были вопросы и менее значимые: Как появилась Вселенная? Есть ли другие вселенные? Зачем столько звезд и планет, если там никто не живет? Почему у нас есть сознание? Кто создал жизнь – Бог или случай? Есть ли инопланетяне? Почему в мире столько несправедливости? Кто создал Бога? Кто создал дьявола? В каком измерении существует рай? Чем заниматься в рае целую вечность? Перебирая эти мысли, Ева споткнулась о чью-то ногу с торчащей сломанной берцовой костью, и упала на живот в месиво из разорванных тел, уткнувшись лицом в густую кашу кишок какого-то бедняги.

– Черт вас дерит, – девочка выругалась, вытирая лицо тыльной стороной ладони, – а хотя так и случилось...

Преодолев еще пару километров по завалам из плоти, Ева увидела торговую палатку с надписью «Овощи-фрукты», стоящую вплотную к автобусной остановке. Очевидно, поблизости должен был находиться какой-то населенный пункт. Ева залезла с ногами на деревянную лавку остановки и легла на спину, чтоб хоть какое-то время не касаться мертвых тел. Сквозь шум от порыва осеннего ветра девочка услышала негромкое: «Помогите».

– Кто тут?! – вскочила Ева, пытаясь найти взглядом кого-то живого в этом месиве из трупов у нее под ногами.

– Я тут, в палатке, – раздался женский шепот.

Ева подошла к торговому окошку. Заглянув внутрь, она увидела сидящую на полу женщину лет сорока. Та дрожала от страха, обнимая колени руками.

– Их же там нет? – процедила сквозь зубы незнакомка.

– Кого? Этих белых? – сказала Ева, оглядываясь, – тут вроде бы нет. Вчера я встретила нескольких в деревне.

– Значит, они еще на земле, – шептала женщина, – они тебя не трогают?

– Нет. Вы разве не в курсе?

– В курсе... В курсе... Тебе, значит, девочка повезло... повезло, – дрожащим голосом говорила женщина, – повезло, что суд начался, пока ты еще ребенок. Повезло, что ты не успела прожить жизнь. Наломать дров за это время... Натворить вещей, за которые пришлось бы ответить. Повезло... Это несправедливо...

Ева ничего не ответила, только еще раз огляделась, всматриваясь сквозь стволы хвойного леса по обе стороны от шоссе.

– Ты совсем молодая, – сказала женщина, – сколько тебе? Лет двенадцать?

– Да, скоро было бы тринадцать, если бы время не остановилось.

– Мужчин наверно у тебя еще не было... н-да...

– За что вас не взяли в рай?

– Ох... деточка... – женщина глубоко вздохнула, – по ошибке. По ошибке не взяли!

– Вы думаете, там могут ошибиться?

– Ты не понимаешь! Я не виновата! Это все он! Этот козел! А что мне оставалось делать? Он бросил меня! Я одна осталась, понимаешь? В двадцать лет беременная, без работы, без денег!

– Вы не кричите так, – предостерегла ее Ева и еще раз окинула взором местность.

– Если бы он не бросил меня, я бы никогда не сделала аборт! Так еще и при двойне!

– Ясно, – с грустью произнесла Ева, – но вы же понимаете, что его уход – это не повод убивать нерожденных детей?

– Не повод? Ты думаешь, что можешь трезво рассуждать об этом? – женщина уставилась на Еву, казалось, обезумевшим взглядом.

– Я не уверена, но... – Ева посмотрела на небо. Ей показалось, будто что-то пролетело над ее головой.

– Ты же отправишься в рай, верно? – спросила женщина.

– Да, – на этой фразе Ева, стоявшая на чьей-то спине, соскользнула ногой с трупа и чуть не упала, но, ухватившись за край торгового окошка, восстановила равновесие.

– Ты встретишься с Богом! Ты должна помочь мне! – Женщина встала с пола и взяла Еву за грязную кровавую кисть руки. – Ты должна объяснить ему, что вышла ошибка! Что я не хотела! Что он спровоцировал все это! Если бы он не бросил меня, мы жили бы счастливой семьей!

– Хорошо, хорошо, – Ева брезгливо отдернула руку.

В этот момент, хлопая крыльями, в нескольких метрах от палатки приземлилось белое порождение ада. Демон обрушил весь свой вес на трупы, впившись когтями на ногах в мертвую плоть.

– Тише, – шепнула Ева и отпрянула от палатки, – он тут.

Существо быстрыми резкими движениями головы просканировало местность вокруг. Сделав несколько шагов, оно приблизилось к остановке. Ева, еще немного отойдя от палатки, подняла руки вверх и хлопнула в ладоши, в надежде отвести создание от несчастной женщины. Демон обошел вокруг остановку и скрылся за ларьком.

– Сидите тихо, я попробую отвлечь его, – прошептала девочка, а потом крикнула: – Я тут! Иди сюда! Эй!

Ева захлопала в ладоши. В этот момент раздался громкий звук от удара когтистой лапой по металлической стенке ларька. Женщина вскрикнула от страха. В сером небе закружили силуэты. Второй демон, спикировав, врезался в палатку, отчего вылетели стекла из витрины, а сам металлический контейнер чуть не завалился набок.

– Меня зовут Анна Хмелева, я местная, из деревни Большие Валуны! Передай ему, девочка! Передай, что я не виновата! – в слезах кричала женщина.

Вокруг Евы снова и снова приземлялись демоны. Их было неисчислимое количество. Одна из тварей на огромной скорости влетела в разбитую витрину, снеся торговое окно вместе с рамами, и оказалась по пояс внутри палатки. Женщина взвыла. Демоны окружили ларек. Били по нему лапами, срывали металлическую обшивку. Ева заметила, что дверь уже валяется где-то в стороне. Женщина перестала кричать. Спустя несколько секунд твари разлетелись, оставив раскуроченный, будто неумело вскрытую консервную банку, ларек. Растоптанные трупы вокруг ларька превратились в непонятное месиво из разорванных частей тела. Ева, хотя и насмотрелась за последние дни на ужасы судного дня, все же не решилась заглядывать в палатку.

Левий

1408 лет после великого суда

Стоя на эшафоте перед котлом с кипящим маслом, Левий Соэ понимал, что вскоре пластиковые составляющие его корпуса будут расплавлены, а микросхемы и процессор под воздействием высокой температуры выйдут из строя. Несмотря на эти ужасные факты, андроид находился в приподнятом настроении. И не потому, что не боялся смерти (хотя он и вправду ее не боялся), а скорее потому, что не хотел радовать отца Мартина и любопытную толпу, показывая им свой страх. Напротив эшафота, сразу же за каменной стеной, располагалась главная башня дворца правителя. Соэ знал, что Король смотрит из окна. Левий, пока его этапировали, надеялся, что правитель почтит его присутствием на казни. Не почтил. Процессом руководил Мартин, сидящий на небольшой трибуне в окружении вооруженной булавами охраны. Вокруг деревянного эшафота, возвышающегося над площадью на пару метров, толпились сотни людей. Конечно же, это были не люди в понимании Левия. Но андроиды считали себя людьми, не подозревая, что жизнь настоящего человечества закончилась четырнадцать веков назад. Связанный по рукам и ногам Левий почувствовал, как его сзади подтолкнули к котлу. Неловко прыгая, Соэ восстановил равновесие, оказавшись на краю эшафота возле бурлящего масла. Концы его стоп буквально свисали с края помоста. Подав корпус вперед на пару градусов, приговоренный к смерти андроид моментально бы упал в огромный раскаленный котел. Левий понимал, что ему не спастись, но и падать он пока не спешил. Соэ отклонился немного назад и небольшим прыжком отскочил от края на пару сантиметров. Трое стражников перешучивались и хихикали, стоя за спиной Левия.

Отец Мартин встал и принялся зачитывать приговор.

– Левий Соэ признан церковью святого Александра виновным в ереси и...

– Вы мне так и не ответили, где это, интересно, было сказано, что людей с иными взглядами надо в масло кидать? – перебил его Левий, – в какой из заповедей есть эта информация?

– Заткнись! – Один из стражников ударил Левия по ушному сенсору, так, что Соэ свалился на бок, чуть не угодив в котел раньше положенного.

– Поднимите его, – произнес Мартин.

– А можно я так полежу? – ответил Соэ. – Когда вы закончите читать свою чепуху, я сам скачусь в котел, не переживайте.

По толпе зрителей пробежала волна усмешек. Андроиды научились смеяться практически как люди (хотя лицевых мышц у них не было, и смех не сопровождался мимикой), а их искусственный интеллект поддерживал чувство юмора, имитируя подъем настроения в сознании.

Стражники вопросительно уставились на Мартина.

– Ладно, пусть лежит, – ответил святой отец и продолжил читать, – ...признан виновным церковью святого Александра в ереси и приговорен к смертной казни через расплавление в масле. Соэ не отказался от своих еретических учений. Соэ утверждал, что земля не является центром вселенной, утверждал, что ее создал не Бог, и что Бога вообще не существует. Соэ утверждал, что нужно уничтожить все храмы святого Александра. Соэ утверждал, что...

– Отец Мартин, – сказал Левий, лежа на спине, глядя в голубое летнее небо, – кто составлял вам текст? Что вы заладили одно и то же... Соэ утверждал... Соэ утверждал...

Священник медленно перевел взгляд на Левия.

– Знаете-ка что, – грозно произнес Мартин, – суньте этого говоруна по пояс в масло прямо сейчас! Пусть видит, как плавится его тело!

– А на что там смотреть? – невозмутимо произнес Левий, все так же лежа на спине.

Трое стражей подняли приговоренного и, держа его кто за подмышки, кто за торс, принялись медленно опускать в кипящий котел.

Левий не испытывал той боли, которую мог бы почувствовать настоящий человек, но инстинкт самосохранения сигнализировал ему о смертельной опасности так, что Соз еле-еле контролировал себя.

Датчики на ногах сообщили центральному процессору о критических повреждениях. Стражники остановились, когда приговоренный оказался по пояс в бурлящем масле.

– Через несколько минут, Левий, вы предстанете перед дьяволом и будете страдать в аду вечно! – сказал Мартин.

«Как, интересно, этот кретин представляет пытки андроида в аду?» – подумал Левий, глядя на свой оплавленный корпус. Соз осознал, что уже не чувствует ног.

– Значит, так, на чем я там остановился, – Мартин вновь уставился в приговор, – ага... вот... Соз утверждал, что, цитирую: «Церковь святого Александра – это безмозглая организация идиотов, которых интересует только удержание власти, а к духовности и мудрости это не имеет никакого отношения».

– А вы не согласны? И в чем же ваша мудрость? – Левий говорил громко, но спокойно. – Вы за сотни лет не смогли сдвинуться в развитии науки ни на шаг, только сидите да рассуждаете о жизни в раю и духовности, и гоните людей на войны с такими же безмозглыми соседними государствами. Вместо того, чтобы объединиться и научиться создавать запасные части для наших тел, вы уничтожаете своих соседей, чтобы использовать их детали для восстановления своих организмов! Вы самые настоящие каннибалы! Собственно, как и весь современный мир!

Несколько секунд Мартин смотрел на Левия, сжимая пластиковые кулаки, а потом, швырнув приговор в сторону, произнес:

– Бросить еретика в котел!

Солдаты отпустили Соз, и тот, прежде чем полностью погрузился в масло, успел выкрикнуть последнюю фразу:

– Вы все обречены на небытие!

АНТОН

Время неизвестно

Я вернулся домой около трех часов дня. Пошли они все! Третий месяц задерживают зарплату и кормят обещаниями! А я должен выполнять свои обязанности? Я понимаю, больные не виноваты, больным мы нужны, но я же не робот. Думаю, забастовка вскоре примет массовый характер. У людей уже нет сил терпеть все это. Какого черта я должен зимой ездить на работу на велосипеде? Еще и в метель. Я уже не говорю о том, что нам скоро нечего будет жрать. Это просто позор. Где такое видано было, чтоб государственным работникам не давали даже на проезд! Не страна, а цирк! Труженикам фабрик хоть товарами жалование выдают, а нам, врачам, как быть? Хоть лекарства воруй да продавай! Зла не хватает...

– Антон, ты?! – крикнула мне Ева из комнаты. В каникулы приходилось оставлять дочь одну дома на целый день. Невзирая на ее диагноз, она была достаточно самостоятельна, чтоб обслуживать себя, но все равно мне это не нравилось. В учебное время дочка оставалась на продленке в школе, где за ней присматривали специалисты. Я уже два раза писал заявление на нового робота-сиделку, но из-за чертовых новых законопроектов я чувю, мы не дождемся своей очереди. Если бы старый робот не сломался... Ладно, это все уже неважно, ведь с завтрашнего дня я перестану ходить на работу.

– Как ты тут? Все нормально? – спросил я, снимая ботинки.

– Чего ты так рано? – спросила дочь.

Я снял шапку, покрытую льдинками, и швырнул ее на верхнюю полку прихожей, пуховик повесил на крючок и зашел в нашу с Евой комнату. Мои красные щеки горели от мороза.

– Уволили, что ли? – Ева в пижаме лежала на диване возле своего инвалидного кресла и лепила из пластилина какие-то фигурки.

– Нет. Я больше не могу так. Все, хватит, – я сел в кресло напротив телевизора, по которому шел мультфильм. Квартира у нас была однокомнатная, и жили мы с дочкой пока что в этой единственной комнате площадью двадцать квадратных метров. Я спал в раздвижном кресле, а Ева на диване. Дочке уже двенадцать, и я думаю, что скоро мне придется переселиться на кухню. У нее должна быть отдельная комната, хотя Ева и говорит, что я не смущаю ее.

– Печально. У нас совсем закончились деньги? – спросила Ева и перекатилась к краю дивана.

– Да, но сегодня звонили по поводу телевизора, вроде как купят. Ты в карету хочешь?

– Агась, – улыбнулась дочь.

Я подошел к Еве и, взяв ее за подмышки, усадил в инвалидное кресло.

– А что мы будем делать, когда деньги за телевизор закончатся? – спросила дочь.

– Я ищу подработку, есть варианты пойти сторожем на склад, – я сел на диван и взял в руки роботов, которых Ева слепила (одного из белого, второго из черного пластилина), – не переживай. Как ты классно вылепила их. Это роботы-сиделки? А... нет, этот полицейский вроде.

– Сиделки оба. Они самые веселые. Я бы тоже хотела себе робота, настоящего, с сознанием, – с тоской произнесла дочь и покосилась на сломанного андроида, «подпиравшего» стену.

– Я думаю, нам скоро дадут. Должны.

– Слушай, а может, и я смогу как-нибудь зарабатывать? – Ева посмотрела мне в глаза. Сначала я подумал, что она шутит, но нет, похоже, вопрос был задан всерьез.

– Ева, ты и так получаешь пособие.

– Пособие? Много от него толку? На неделю хватает.

– Это не важно, все равно это хоть какие-то деньги.

– Да, но это твои деньги, их платят тебе за то, что ты за мной ухаживаешь. Я же понимаю, что жить со мной для тебя труд, почти работа. А я хочу как-то приносить пользу.

– Солнце, не говори глупости. Я люблю тебя, какой еще труд? Я рад, что ты у меня есть.

– Честно?

– Конечно! Без тебя я бы потерял смысл жизни.

– Ну ладно, ладно, поверю на слово, – заулыбалась девочка.

– Все у нас будет хорошо, зая моя, трудности – это явление временное.

Делая вид, что все хорошо, я, конечно же, лукавил. На самом деле я понятия не имел, как жить дальше, и что будет с нами и с нашей страной. После того как правительство под влиянием церкви приняло решение частично прикрыть производство роботов на кибернетических заводах, все сферы жизни, в которых участвовал искусственный интеллект, постепенно начали впадать в хаос. Роботов отзывали с их рабочих мест, а люди (особенно население столицы) с трудом возвращались к обязанностям кассиров, таксистов, уборщиков, охранников или разнорабочих. За последние сто лет люди стали избалованными, ведь весь рутинный труд выполняли андроиды. Церковь решила, что искусственный интеллект, по пути развития которого идет современная наука, является происками дьявольских сил и нарушает моральные и этические нормы, данные нам Богом. И это в двадцать втором веке! Половина страны согласна с этим бредом, половина нет. Я был в числе несогласных. Даже Ева в свои двенадцать лет понимала всю абсурдность регресса науки из-за политических и религиозных взглядов власти. Что поделаться, в такой стране живем...

Спустя минут десять мы с дочкой оказались на кухне. На столе передо мной стояла тарелка, в которой лежала куриная котлета с макаронами. И это была не просто котлета, а первая котлета, приготовленная Евой без какой-либо помощи. Пока я был на работе, дочь сама накрутила фарш из куриных грудок и пожарила его в форме неровных шариков. Меня переполняло чувство гордости (а макароны, кстати, она давно научилась варить).

– Ну что же, – произнес я, проткнув вилок котлету, – сейчас мы узнаем, на что ты способна.

Ева, затаив дыхание, смотрела на меня в ожидании вердикта.

– Ну и гадость, – произнес я, наигранно сморщившись, – никогда не ел котлет хуже.

– Что?! – возмутилась дочь. – Да как так-то? Я же все сделала по рецепту... соль... лук...

– Да шучу, – произнес я с улыбкой, чавкая котлетой, – отличный обед, ты просто звезда кулинарии! А если учесть, что это твое первое сложное блюдо, то...

– Котлета разве сложное блюдо? – Ева разломил вилок такую же котлету в своей тарелке.

– Ну... наверно, я точно не знаю, но по мне сложное блюдо – это то, что требует термальной обработки – жарить или варить там... тушить. А простое блюдо – это какие-нибудь бутерброды или салатики овощные.

– Круто. Значит, я возьму на себя обязанности готовить еду, – дочь положила кусок жареного мяса в рот.

– Попробуй сварить суп.

– Суп? – жуя, произнесла Ева. – Суп – это очень сложное блюдо.

– Открой какого-нибудь кулинарного блогера, где он готовит суп, и просто повторяй.

– Сегодня утром отключили интернет, – грустно произнесла дочь.

– Интернет оплатим с пособия.

– А может, с денег за телевизор?

– Не... с денег за телевизор мы еды накупим. А пособие придет через неделю, там оплатим и интернет.

– Может, тебе хоть какую-то часть зарплаты дадут?

– Все может быть.

После замечательного обеда я предложил Еве прогуляться до сквера, тем более что метель утихла, и на небе появилось февральское солнце – большая редкость этой зимой. Девочка неохотно согласилась. А что поделать, ребенку нужен свежий воздух. Я сидел на коленях на полу в коридоре и зашнуровывал ботинки дочери.

– Мужчина, давайте побыстрее, королеве жарко, – надменно произнесла дочь.

– Что за наглеж? – весело ответил я.

– А чего ты там копаешься? Шнурки мне между собой связать решил?

– Зачем? – я посмотрел на Еву снизу вверх.

– А вдруг я вскочу на ноги и тут же завалюсь из-за связанных шнурков, – засмеялась Ева.

Ох... Ева... Я любил ее за то, что она, невзирая на свой недуг, могла шутить над собой.

– Все, готово, – сказал я и встал с пола.

– Шапку подайте, – указала она кивком.

Я снял шапку с крючка и повернулся к дочери. В этот момент она обмякла в кресле и завалилась вперед, чуть не рухнув лицом на пол. Я успел подхватить ее и аккуратно уложить на спину.

– Ева! – я слегка пошлепал дочь по щеке ладонью. – Ева, если это шутка, то не совсем удачная! Ты меня пугаешь! Ева!

Дочь лежала на полу без видимых признаков жизни.

Ева

К вечеру Ева добралась до некоего «Песково», она это поняла по дорожному указателю с названием населенного пункта. Судя по постройкам, это была небольшая деревенька. Последние пять часов пути трупов на улице стало заметно меньше, и Ева уже подумала не искать дом для ночлега. Но когда девочка в очередной раз в полумраке споткнулась о чью-то конечность, да так, что чуть не упала в слякоть из крови и мяса, она все же решила где-нибудь отсидеться до рассвета.

В сгущающемся мраке Ева увидела кого-то сидящего на корточках на дороге метрах в десяти. Девочка сразу поняла, что это один из них. Демон сидел, сложив перепончатые крылья за спиной. Подойдя к этому порождению ада, Ева замерла, рассматривая его морщинистое, практически человеческое лицо. Когтистые лапы создания лежали на чьем-то трупe ладонями вверх. Демон отрешенно смотрел вниз, абсолютно не реагируя на живого человека.

– Ты понимаешь наш язык? – спросила Ева, пытаясь заглянуть в опущенные глаза демона.

Создание по-прежнему не обращало внимания на девочку. Ева испытывала отвращение и брезгливость к этой бестии, но из любопытства прикоснулась рукой к покрытой редкими длинными седыми волосами голове существа.

«Холодный, – подумала Ева и отдернула руку, – холодный, потому что, наверно, неживой».

– Ты умеешь говорить? – спросила Ева.

Демон все так же неподвижно сидел, глядя в никуда.

Практически в кромешной тьме девочка добрела до какого-то жилого дома. Дернув дверную ручку, она поняла, что заперто. Окно возле двери было выбито, и Ева, не мешкая, залезла внутрь. Напрягая зрение, она кое-как разглядела большой, скорее всего обеденный стол со стульями, валяющимися на полу, раковину в столешнице и холодильник в дальнем углу. Без сомнений она оказалась на кухне. Из кухни вели две двери. Первая, очевидно, в прихожую, туда Ева должна была попасть, зайдя в дом с улицы, а вторая, куда девочка прошла почти на ощупь, в гостиную. Ева догадалась, что это гостиная, когда наткнулась на большой диван, с трудом различив его в темноте.

– Тут и отсижусь, – подумала она, стоя во мраке.

Ева села на мягкий тканевый диван и оглядела комнату. Как только взгляд немного привык к темноте, девочке бросился в глаза силуэт человека, лежащего на полу в двух метрах от нее. Ева ночевала в домах не только потому, что во тьме идти по телам было невыносимо, но еще и для того, чтоб хоть какое-то время не видеть и не ощущать возле себя растерзанных людей и весь этот ужас, сотворенный демонами. Она встала и подошла к трупу, который оказался обезглавлен.

«Сначала оттащу тело, потом поищу голову», – мелькнула мысль.

Взяв труп за ноги, Ева оглянулась на кухню.

– Туда, наверное, его, – тихо произнесла она и поволокла труп, который, скорее всего, оставлял за собой кровавый след на полу. Разобравшись с телом, девочка принялась искать голову в гостиной.

– Не могла же ты далеко укатиться, – произнесла она.

В этот момент из пола прорезался свет, и Ева, вздрогнув, отскочила назад.

– Кто тут?! – выкрикнула она.

– А ты кто? – раздался мужской голос. Ева, шурясь, увидела мужчину, высывающегося из дыры в подвал, а может, в погреб. Он придерживал крышку погреба над головой, разглядывая непрошеную гостью.

– Здравствуйте. Меня зовут Ева. Я бы хотела остановиться тут на ночь. Это ваш дом? – спросила она доброжелательным тоном.

– Иди сюда, внизу поговорим. Тут слишком темно, – произнес мужчина.

– А в доме нет свечей или фонарей? Я бы предпочла остаться наверху, если вы не против.

– Нет, электростанции все повыврубались после суда. Генератора у нас нет. Есть один фонарь и пара пачек батареек. Это все. Фонарь мы тебе не дадим. Уж извини.

Судя по голосу, мужчине было лет сорок-пятьдесят.

– У «вас»? Вас там много?

Ева подумала, что там группа грешников, скрывающихся от демонов.

– Нет. Я и брат.

– Вы прячетесь? – Ева пыталась разглядеть лицо мужчины.

– Прячемся? От кого нам прятаться?

– Что значит, от кого? – удивилась девочка. – Вы что, не видели, что там на улице?

– Видели. Нам нечего бояться, нас не тронут.

– Ясно, значит, вы тоже решили остаться на земле, – Ева подошла на пару шагов ближе к люку в подвал.

– Да, – произнес человек, и вправду выглядящий на сорок лет. Мужчина был в шерстяном свитере и лысый – это первое, что заметила Ева.

– Ко входу в рай тоже идете? – спросила девочка.

– Да, – ответил тот, – может, ты все-таки спустишься? Или тебе тут в потемках удобнее сидеть?

– А чего вы наверх не выберетесь? Вам-то какая разница, если демоны вас не трогают?

– А тебе нравится запах?

– Запах? Трупная вонь эта?

– Да.

– Я вроде как уже принялась.

– А мы никак не принимаемся. Внизу не так несет этим шлаком, я свечку ароматизированную жгу. Спускайся, мы не обидим.

– Вы при всем желании не сможете меня обидеть, – уверенно произнесла Ева.

– Ну вот, тем более. Ну, так что, идешь к нам? Или я тогда пойду, а ты сиди тут.

– Иду, – Ева подошла к краю спуска, придержала рукой крышку погреба и ступила на лестницу, ведущую вниз.

Подвал оказался оборудован под жилую комнату. Возле дальней от лестницы стены стояли две кровати. Между кроватями на табуретке горела свеча. У стен слева и справа располагались полки со стеклянными и консервными банками. Посередине жилища красовался небольшой прямоугольный стол, украшенный скатертью с нарисованными тюльпанами, на которой лежала разделочная кухонная доска с ножом. На доске Ева заметила яичную скорлупу. Из-под стола виднелись пятилитровые пластиковые бутылки с водой. Освещала это мрачное помещение неяркая лампа, подвешенная к потолку. Проводов к ней Ева не увидела, видимо, лампа и правда работала на батарейках. От ароматизированной свечи света практически не было, но смысл ее заключался в том, чтоб хоть как-то маскировать вонь с улицы.

– Меня зовут Женья, – произнес лысый мужчина, а потом указал на второго обитателя подвала: – А это Вася, мой брат.

Васин возраст Ева с трудом могла оценить из-за усов и бороды, но так навскидку девочке показалось, что он моложе, чем Женья. Женья поднялся по лестнице и закрыл выход из подвала на висячий замок. Ключ он убрал в карман грязных синих джинсов.

– Зачем вы заперлись? – спросила Ева.

– На всякий случай, мало ли кто тут еще бродит. Люди разные бывают, – произнес Женья, спустившись с лестницы.

– Присаживайся, – сказал Вася и указал на одну из кроватей.

– Вы знаете, – Ева занервничала, – я, наверно, лучше пойду, спасибо...

– Нет, нет, что ты, – Женя подошел к девочке и обнял ее за плечо, – ты испугалась, да? Да, я вижу. Ты испугалась. Не надо, все в порядке. Мы хорошие. Иди, садись.

Женя слегка подтолкнул девочку, и Ева, ведомая непонятно какими силами, направилась к кроватям.

– Садись, – Вася гладил бороду, – утром вместе пойдем в рай. Если хочешь, можешь поспать тут.

– Борода, ей не надо спать, – пробурчал Женя, – и нам не надо спать. Ты че, забыл?

– Ах, ну да, – произнес Вася, – я никак не привыкну.

Ева снова уставилась на яичную скорлупу на столе, а потом на ведро и туалетную бумагу, валяющуюся возле него. Ведро было закрыто крышкой.

– Значит, вы в рай идете, – Ева присела на кровать. Девочка пыталась вести себя спокойно.

– Да, завтра утром выходим, – сказал Вася.

– А чего ты сразу в рай не отправилась вместе со всеми? – спросил Женя.

– Я хотела отыскать своего отца, который остался на земле.

– Ясно. Нагрешил сильно? – спросил Вася.

– Нет, это была ошибка, – соврала Ева.

– И что? Не нашла папку? – Женя сел на кровать возле девочки и улыбнулся, глядя на нее.

Ева ничего не ответила. Она почувствовала, как стены постепенно сдвигаются, а свет от тусклой лампы меркнет. Девочка осознала, что попала в ловушку. Что им надо? Зачем они врут, что идут в рай? В чем смысл их поведения?

– Тебе сколько лет? Пятнадцать хоть есть? – спросил Вася, взяв со стола кружку с водой, и тут же резко поставил ее на место.

– Двенадцать, – произнесла девочка.

– Выглядишь старше. Ты бы сняла свой дождевик, жарко же? – Вася встал возле Евы. – Да и сапоги резиновые грязные, вон крови нам нанесла сколько.

– И простыню мне запачкала, – сказал Женя.

– Что вам нужно? – спросила девочка.

– Нам? – переспросил Женя. – От тебя? Да, так... ничего плохого.

Ева уставилась на лестницу, ведущую к выходу в другом конце помещения. Было бы там открыто, девочка попыталась бы рвануть с места в надежде успеть выскочить из подвала. Ну, или хотя бы, если ее схватят у выхода, поднять шум и привлечь демонов.

– Я могу уйти прямо сейчас? – спросила Ева, понимая абсурдность вопроса.

– Завтра вместе пойдем в рай, – сказал Женя и положил руку ей на колено, – сегодня переночуем тут.

– Вы собираетесь изнасиловать меня? – задав вопрос в лоб, Ева шокировала братьев. Они переглянулись в недоумении, а потом расхохотались.

– Ну... – начал Женя, – если честно, то да. Раз уж мы начали откровенничать, то не просто изнасиловать. Мы будем жить тут втроем, пока демоны не унесут наши с Бородой души прямиком в ад.

– Ты все равно в рай отправишься, невзирая ни на что, какая тебе разница, – сказал Вася. – Месяцок проведешь с нами. Потерпишь, ничего тебе не сделается. Мы хоть напоследок... ну сама понимаешь...

– Насладимся всеми прелестями уходящей земной жизни, – Женя поглаживал Еву по ляжке.

«Схватить нож, – подумала Ева, глядя на кухонный прибор на столе, – как только этот урод отойдет в сторону или сядет, попробовать рвануть к ножу. А дальше что?»

- Ты можешь не сопротивляться, и тогда все у нас пройдет гладко, – сказал Вася.
 - Ага, – отрешенно произнесла Ева, продолжая размышлять о спасении.
 - Только когда мы будем спать, придется ее связывать, иначе она ночью может дел натворить, – Вася сел около Евы с другой стороны от брата.
 - Да, кстати, а днем как? Все время следить за ней? – спросил Женя.
 - «Схватить нож и попробовать угрозами заставить снять замок», – продолжала размышлять Ева, не обращая внимания на братьев.
 - Тогда надо ее связать и так оставить, – предложил Вася.
 - Чтоб она всегда связанная лежала тут? – удивленно сказал Женя.
 - А как ты хочешь?
 - Ну не знаю, то есть она тут будет месяц или, сколько мы проживем еще, может, пару месяцев, лежать связанная?
 - С чего ты вообще взял, что мы тут проживем месяц? Может, нас завтра уже не станет, а может, эти демоны уйдут, и мы сможем выйти на поверхность. И воды тут литров двадцать, а может, и больше.
 - Да конечно, ага, уйдут они.
 - В любом случае, ее надо связать.
 - Чем вязать-то?
 - Шнурками, может?
 - Ну или...
- Не дав закончить своему похитителю фразу, девочка бросилась к столу и схватила нож. Она повернулась к братьям, выставив руку с ножом перед собой, и, медленно пятясь назад, произнесла, пытаясь выглядеть как можно устрашающе:
- Я клянусь, я зарежу вас, если вы приблизитесь! Я лучше в аду сгорю, чем позволю прикасаться ко мне!
- Женя дотянулся до полки у стены и взял молоток. Мужчина, невзирая на угрозы Евы, медленно зашагал в ее сторону. Ева продолжала пятиться, пока не споткнулась о первую ступень лестницы. Женя обошел стол и, замахиваясь молотком, приблизился к Еве метра на полтора. Вася выглядывал из-за спины брата.
- «Плевать, – думала Ева, целясь ножом в Женю, – будь что будет! Если Бог допускает то, что эти ублюдки смогут со мной сделать, и не вмешивается, я буду драться насмерть!»
- Женя дернул рукой, имитируя удар молотком, чтоб обмануть Еву. Девочка, зажмурившись, ткнула ножом перед собой, но не достала до насильника.
- «А она серьезно настроена», – подметил Вася и обошел стол с противоположной стороны. Теперь братья стояли слева и справа от Евы.
- Киньте ключ на пол и отойдите к кроватям, – сказала Ева, – а я просто уйду. Зачем вам рисковать?
 - Нам уже нечем рисковать, – сказал Женя и вытащил ключи из кармана. Мужчина сел на корточки, не сводя глаз с Евы.
 - Просто оставьте ключ на полу и отойдите, – Ева целилась ножом то в Женю, то в Васю.
 - Мы не собираемся выходить отсюда, – Женя положил ключ на пол и несколько раз ударил по нему молотком, так что конец ключа загнулся.
 - Ты че творишь, лысая башка? – спросил Вася.
 - Женя встал и ногой толкнул сломанный ключ Еве.
 - На свой ключ, – с улыбкой произнес Женя.
 - И как мы выйдем теперь, – возмутился Вася, – ты чего наделал? Баран! Замок такой хрен сломаеть молотком!
 - Я не собираюсь отсюда выходить, – сказал Женя, – лучше умереть от жажды или голода, чем меня разорвут эти твари.

Как только Ева присела, чтоб подобрать ключ, в надежде, что им все еще возможно открыть замок, Женя ударил девочку ботинком в лицо. Изображение скакнуло перед глазами Евы, а комната завертелась. Упав назад на лестницу, Ева почувствовала, как ее придавило. Женя лежал на ней, пытаясь удержать руку с ножом.

– Отпустите! – закричала Ева, но Вася тут же заткнул ей рот рукой. Мужчины уложили Еву на живот, и оба сели сверху. От тяжести девочка не могла вздохнуть. Один из братьев завел ей руки за спину, да так сильно, что правое плечо Евы вышло из сустава, и принялся связывать шнурками. Второй засунул тряпку девочке в рот, чтоб она не орала. Боли Ева не чувствовала, чего нельзя сказать об ужасе от осознания того, что вскоре с ней будут делать. Она покосилась на нож, лежащий возле нее на полу. Пыталась взять себя в руки и придумать план спасения, но все происходило слишком быстро, и вот ее, уже связанную, кинули на кровать. Еве придавили голову подушкой, и она перестала что-либо видеть.

Левий

Около шести часов знойного вечера два андроида плелись по мусорной свалке, которая находилась в полукилометре от города.

– Неужели наше сознание может быть заключено в какие-то рамки? – произнес Авель.

– А как иначе? – Каин шел впереди своего друга по тропинке, петляющей между кучами отходов.

– И все, что я ощущаю, все, что я знаю, – это продукт работы моего процессора? – спросил Авель.

– Не процессора, а памяти, – ответил друг, – процессор лишь обрабатывает информацию, а сознание формирует память. В зависимости от того, что ты помнишь, ты будешь таким или иным, – нам вроде сюда, – Каин указал рукой направо.

– Ты точно помнишь, куда нам? – усомнился Авель.

– Точно.

– Слушай, – начал Авель, – выходит, что можно искусственно сформировать разум?

– Что значит «искусственно»? Мы и так с тобой ненастоящие люди, – с усмешкой произнес Каин.

– Я имею в виду, что если представить божественную машину, которая может загружать нам в память все, что угодно, то можно искусственно, перебирая воспоминания, изменять разум и сделать такого человека, какого захочется, – Авель рассматривал горы мусора, двигаясь вслед за Каином.

– Я думаю, да.

– Значит, формируя память, можно формировать сознание.

– Да.

– Так же, ответив на вопрос «что такое память», можно ответить на вопрос «что такое сознание», – предположил Авель.

– Ну... – Каин засомневался, – если копнуть глубже, то встает вопрос, а что такое память?

– Хороший вопрос, – задумчиво произнес Авель, – я думаю, что память – это какая-то способность нашего сознания, некое свойство, правильно?

– Да, вполне себе способность. Но что за способность? И если память и есть сознание, то она не может быть его свойством, иначе память будет свойством самой себя. Так не бывает.

– Память – это способность запоминать, – не мешкая ответил Авель.

– В твоём определении кроется сам термин, так нельзя, – произнес Каин, – это все равно, что сказать, что «память – это память». А что такое память? Что это за свойство?

– А ты знаешь ответ?

– Нет, иначе я бы не спрашивал.

– Может, память – это способность воспроизводить действительность у себя в голове? – предположил Авель.

– Воспроизводить ранее увиденную или услышанную действительность, – добавил Каин.

– Да. А еще осязаемую, это для тех, у кого есть еще органы восприятия.

– Ты про настоящих людей? – спросил Каин.

– Да, у них же было гораздо больше возможностей познания мира, через органы чувств. У нас только зрение и слух, а они запахи чувствовали, могли руками что-то ощутить, вкус у них был, я вот даже такую концепцию, как вкус, не могу осознать. А они, видимо, могли это сделать и потом в памяти воспроизвести вкус чего-либо, подобно тому, как я могу воспроизвести что-то, что услышал или увидел.

– Если память – это и есть наше сознание, то получается, описание термина «память» должно подходить и к термину «сознание»? Если память – это способность воспроизводить у

себя в голове ранее воспринятые какими-либо органами чувств события, то к сознанию можно применить то же определение?

– Выходит, что так, – сказал Авель.

– Значит, сознание, – произнес Каин, – это способность воспроизводить в голове ранее воспринятые события?

– Ну... звучит как-то не так, как-то неполно, – засомневался Авель, – а чем эти события были восприняты и чем они были поняты?

– Сознанием были восприняты и поняты, – ухмыльнулся Каин.

– Получается, что сознание – это возможность воспринимать события? То есть сознание – это сознание, – шутливо произнес Авель.

– Опять у нас определение содержит сам термин, значение которого мы хотим найти.

– Зато мы поняли, что сознание это не только память.

– Память – это часть сознания, – заключил Каин.

– Похоже на то. А как выглядят другие составляющие сознания? Если память – это не все сознание, значит, в сознание входят еще какие-то свойства, кроме памяти.

– Какие?

– Творчество?

– Вполне, но может ли заниматься творчеством неосознанное существо? – спросил Каин.

– Может, ведь у творчества тоже есть свои правила. Мы можем их не понимать, и нам будет казаться, что человек творит, получая информацию из ниоткуда, трансформируя ее и создавая что-то новое, но на самом деле творчество – это подчиняемое законам явление, а значит, его можно воспроизвести и неосознанными созданиями.

– Получается, творчество необязательно должно быть продуктом сознательного?

– Получается так, но тогда и память необязательно должна быть продуктом сознательного. Ведь память есть и у несознательного, – предположил Авель.

– Выходит, что отдельные свойства сознания могут принадлежать несознательному?

– Выходит, да.

– Ладно... – протянул Каин, – какие еще могут быть свойства у сознания?

– Хм... – Авель задумался на несколько секунд, а потом воскликнул: – я еще придумал! Свобода воли! Точно! Это тоже свойство сознательного.

– А ты уверен, что свобода воли существует?

– Да, я могу доказать.

– Ну, давай, – с недоверием произнес Каин.

– Я хочу поднять руку, и вот я ее поднял.

– Ты ее поднял, потому что захотел доказать мне, что у тебя есть свобода воли. У тебя не было выбора. Ты не мог ее не поднять, ведь иначе ты бы мне ничего не доказал. Не было тут свободы воли.

– Мог и не поднимать.

– Речь о том, что ты ее поднял не по своей воле, а потому, что мы затеяли разговор о свободе воли. И это стало причиной того, что ты ее поднял.

– Ты хочешь сказать, что нет свободы воли и все также предопределено? – спросил Авель.

– Я не знаю, но есть и такое мнение, что да, все предопределено, а свобода воли лишь иллюзия, вызванная тем, что мы не знаем будущее и, казалось, творим его, а по факту слепо идем по сценарию, запущенному кем-то в начале времен, в начале создания Вселенной.

– В таком случае, давай назовем еще одно свойство сознания псевдосвободной воли, – предложил Авель.

– Можно и так. Выходит, сознание – это явление, имеющее память, творчество, свободу воли и..?

– Что «и»? Я не знаю, что там еще может быть.

- Умение мыслить? – предположил Каин.
- То есть решать задачи?
- Да, и умение делать выводы из ситуаций.
- Это то же самое, ведь ответ на любую задачу – это и есть вывод из ситуации, если под ситуацией подразумевать условия задачи.
- И опять же, – начал Каин, – это может делать и несознательное. Вычислительные машины, которые были у настоящих людей, могли решать задачи, а значит, эти машины имели какое-то мышление.
- Мышление без псевдосвободы воли – это свойство несознательной машины.
- Все эти свойства, собранные вместе, создают сознание? – спросил Каин.
- Не знаю, возможно.
- А если некая машина из прошлого будет имитировать все эти свойства? У нее появится сознание? Она увидит себя из головы, как видим мы?
- А ты уверен, что мы видим что-то из своей головы и воспринимаем себя внутри своей головы? – спросил Авель. – Ведь мы же роботы, машины. Не забывай, нас когда-то создали настоящие люди.
- Я вижу себя из головы.
- А откуда мне знать, что ты сознательный?
- А мне откуда знать, что ты сознательный?
- А может, мы оба несознательные, я же не спорю, – рассуждал Авель, – не существует тебя и меня в виде сознания, мы просто реагируем на действия и слова друг друга так, как записано в нашей программе, и на самом деле не осознаем себя. Мы – это голая причинно-следственная связь, организуемая движением электронов в наших микросхемах и выражаемая в движениях рук, ног, да в звуках из динамиков.
- Так... Давай не будем об этом, это уже страшно. Мы, кстати, почти пришли, это должно быть тут.
- Андройды остановились возле оплавленной кучи пластика с торчащими из нее металлическими фрагментами: каркасом позвоночника, тазовой костью, крышкой грудной клетки и еще какими-то мелкими деталями. В руках и ногах у андроидов тоже были металлические части – коленные и локтевые суставы, щиколотки и подошвы стоп. Но рук и ног в этой оплавленной куче не было. Из того, что когда-то было головой, торчал облепленный бесформенным пластиком небольшой металлический короб.
- Так, надо как-то отделить, – сказал Каин, взявшись рукой за короб.
- Надо пилить.
- Если не вытащим память, то придется брать вместе с головой, а дома уже будем извлекать.
- Идти в город с расплавленной головой андроида опасно. Если нас остановят и обыщут... – сказал Авель, затем достал из сумки небольшую ручную пилу и принялся пилить.
- А если нас с памятью задержат? – спросил Каин, глядя, как старательно Авель пытается отделить металл от растекшегося застывшего пластика.
- Память спрятать проще, чем расплавленную голову.
- В принципе... да.
- Вроде поддается.
- Погоди, убери пилу.
- Вот, кусок отогни.
- Ага, тяни.
- Еще.
- Идет.
- Осторожно, провода.

– Неважно, провода надо будет все равно менять.

– Есть! – Каин держал в руках металлический термокожух причудливой формы, в котором хранилась память Левия. Кожух изобрел сам Левий и встроил себе в голову, чтобы жесткий диск с его сознанием остался цел после расплавления тела.

– Эта коробочка тоже нагрелась, когда Левия плавил? – сказал Авель.

– Да, но она не должна была пропустить тепло к памяти.

– Но я не понимаю, если одна сторона этой металлической коробки касалась раскаленного масла, то другая сторона должна была передать эти триста градусов температуры и уничтожить память. В чем тут подвох? Как память внутри не сгорела?

– Я тоже это спрашивал у Левия, когда мы делали этот кожух, – сказал Каин.

– Ого, так ты еще и помогал ему.

– А то, – ухмыльнулся Каин, – там хитрость в том, что этот кожух имеет два слоя. Первый слой – металл, затем идет почти вакуум, а потом снова металл. Между двумя слоями металла примерно полсантиметра. И получается, что первый слой нагревается от масла, но не может передать тепло второму слою.

– Почему не может?

– Потому что между слоями ничего нет, почти пустота. А температура не может передаваться через пустоту, должна быть какая-то материя.

– А как эти два слоя между собой крепятся?

– Когда я сказал, что между слоями ничего нет, я немного преувеличил. Мы соединили их тонкими спицами, с булавочную иглу. Тепло от одной стенки кожуха могло передаваться по этим спицам на вторую, внутреннюю, но для нагрева внутренней стенки потребовалось бы очень много времени.

– А как вы откачали воздух между стенками кожуха?

– Левий соорудил насос. Мы откачали не весь воздух, а скорее понизили давление. В результате между стенками осталось очень мало вещества, которое могло бы передавать энергию тепла от внешней стенки к внутренней.

– Хитро.

– Он знал, что за ним придут. Он понимал, что его приговорят к смерти. Без этого кожуха его сознание навсегда исчезло бы.

– Что-то мы заболтались, надо идти, чем быстрее восстановим Левия, тем скорее сможем увидеть того демона.

АНТОН

– Ева! – я приложил ухо к ее рту. Почувствовал еле уловимое дыхание, и ком отступил от моего горла.

– Живая. Живая... Так... Спокойно, – дрожащей рукой я нашарил в кармане телефон и набрал номер «Скорой».

Никогда еще время не тянулось так медленно. Я сидел в коридоре больницы и смотрел на мерцающую люминесцентную лампу на потолке. Чтобы отвлечься от гнетущих мыслей, я пытался осознать ритм мерцания лампы, но, казалось, она моргает хаотично. Ожидая врача, мой разум рисовал самые страшные картины, ведь потеря сознания у ребенка не может быть без причины. «Скорая» отвезла нас почему-то в соседний район. Я, честно говоря, думал, что мы поедем в нашу больницу. Хотя какая разница? По идее, они тут возьмут у нее кровь, сделают томографию мозга и кардиограмму. Ребенок с церебральным параличом упал в обморок, вот... вот почему я? Почему это со мной?! Почему народ в странах третьего мира плодится просто... ох... по пять-десять детей в семье и все крепкие, работающие, а у меня одна родилась и та... ох, Ева, Ева. Ты все, что у меня есть... Так, хватит, надо подумать о чем-то хорошем. О хорошем... о хорошем... о хор... а нет ничего хорошего! Нет в моей жизни ничего, сука, хорошего!

Врач вышел из кабинета, а я вместо того, чтоб подбежать к нему с вопросами, наоборот, вжался в диван, опасаясь услышать фатальные вести. Я не был пессимистом и никогда не впадал в крайности, но когда дело касалось проблем со здоровьем Евы, в голову всегда лезло самое ужасное, что можно представить. Когда терапевт подошел ко мне, я все же встал и первый задал вопрос:

– Она очнулась?

– Очнулась. Мы сделали МРТ, и есть подозрение, что у вашей дочери боковой амиотрофический склероз. Нужно еще провести исследования, чтобы исключить заболевания с похожими симптомами и...

Что он сказал дальше, я не услышал. Внутри меня все перевернулось. Фраза «у вашей дочери боковой амиотрофический склероз» прозвучала для меня как смертный приговор. Я прекрасно знал, что это за заболевание. Подобным недугом страдал известный физик-теоретик Стивен Хокинг, живший в прошлом веке.

– Вы меня слышите? – спросил врач.

– Да, слышу, – соврал я и сглотнул.

– Еве придется остаться в больнице на какое-то время, а вам надо принести документы, я скажу какие.

– Да, да, мы все сделаем, – я сел на диван. Глубоко дышал, пытаюсь не расплакаться. Врач стоял передо мной будто палач. К сожалению, не мой палач. Я бы с радостью обменялся диагнозом с Евой, будь такая возможность.

В тот день я просидел в палате у Евы до восьми часов вечера. Перед этим я съездил домой и привез необходимые документы для госпитализации дочери. Когда пришло время попрощаться, я, не в силах сдерживаться, все же пустил слезу, но, надеюсь, Ева этого не увидела. Она спрашивала, что с ней, и мне пришлось соврать. Я сказал, что пока неясно. Может, я зря паникую и накручиваю, ведь это всего лишь подозрение на страшное заболевание, может, после всех анализов я возрадуюсь ложной тревоге? Да и Хокинг прожил до старости, хотя это и был феномен. Обычно люди умирают от этой болезни в течение нескольких лет.

* * *

Снег хрустел под ногами. Я шел по тротуару, обмотав лицо шарфом, так что торчали только глаза. Машины медленно проезжали мимо меня по неубранной заснеженной дороге. Метель снова поднялась. Как раз перед очередным порывом ветра я успел заскочить в продуктовый магазин. На последние деньги я купил бутылку водки. На закуску мне не хватило, но ничего страшного, дома остались чудесные котлеты, олицетворяющие маленькую победу неунывающей девочки, живущей вопреки.

Эти чертовы котлеты не выходили у меня из головы. Не знаю, почему я думал именно о них. Глупо. Я шел и представлял, с каким трудом ребенку с церебральным параличом стоило их приготовить. Она старалась для меня. Правая рука Евы с рождения практически не функционировала и для выполнения простых бытовых действий, таких как надеть на себя майку или почистить апельсин, ей требовалось в разы больше времени, чем здоровому ребенку. А тут – настоящие котлеты...

Я остановился и, подождав пока безымянный прохожий пройдет мимо меня, достал бутылку из внутреннего кармана пальто, повернулся спиной к дороге, отвинтил крышку и сделал несколько глотков. Поморщившись, я убрал алкоголь обратно и, пройдя пару шагов, оглянулся. Никого. Я присел, с чувством стыда взял с сугроба снег и закинул себе в рот. Позорище, конечно, но на душе посветлело. Так вот сразу и посветлело, да. Я не пил уже несколько лет, но сейчас я понимал, что это единственное, что может мне помочь. Ничего страшного не случится от одной бутылки, тем более что я никогда не был запойным. Максимум мог выпивать пару дней, а потом уходил в долгую завязку. По пути к дому я сделал еще пару глотков, так же стыдливо закусывая снегом, надеясь, что никто этого не видел.

В половине девятого я был дома. Впервые за долгие годы я находился в это время тут один. Я включил свет в прихожей, разделся, изрядно наследив в коридоре, и пошел на кухню, размышляя о людях, живших в каменном веке.

Я сел за пустой стол и сделал глоток из горла, продолжая развивать мысль о страданиях древних людей. Не знаю зачем, но я пытался утешить себя тем, что их потомство постоянно умирало от различных мелочей. Конечно, тогда какой-нибудь аппендицит или воспаление, или даже небольшая инфицированная ранка не казалась им мелочью. Да они вообще не понимали, что происходит, и ребенок какого-нибудь уже сознательного раннего хомо, которого они, без сомнения, пытались выходить, переставал существовать. Сколько в мире сознательных организмов, существовавших до меня и живущих сейчас, которые потеряли любимого человека? Сколько их? Сотни миллионов? Нет, скорее миллиарды. А может, это естественно? История жизни – это история боли? История смерти? История вымирания? А жизненные радости – это лишь небольшие островки в океанах страдания? Страдания, которые дарит нам наш интеллект. Вся история человечества – это сплошные потери близких. Это расплата за возможность иметь разум, который привязывается к другому разуму и в итоге теряет вкус к жизни, когда его любовь уходит в... рай? В ад? В небытие?

А кому плохо, когда один из двоих или троих любящих умирает? Тому, кто умер? Нет, конечно, ведь смерть даст покой и вечный свет, как думают верующие. А как найти покой тем, кто остался? Тем, кто потерял человека? Кого мне будет жаль, если Ева умрет? Еву? А может, самого себя? Может, я буду оплакивать не ее, а себя? Близкие умирают, и мы страдаем не потому, что они исчезли, а потому, что мы остались без них. Потому, что нам жалко себя, ведь теперь мы не сможем испытывать радость, проводя с ними время. Плохо не им, а нам – тем, кто остается. Мы плачем по себе...

Я сделал еще глоток. Надо бы закусить. Из холодильника я достал сковородку с котлетами Евы, которых осталось две. Снова отхлебнув из горла, я, стоя возле открытого холодильника,

взял рукой мясной шарик и целиком запихнул в рот. Не, ну а чего церемониться? Подумаешь. Я развернулся и поставил сковороду на стол, а сам сел на табуретку. Уставился на последнюю котлету. А что, если Ева умрет и больше ничего мне не приготовит? Я же говно бессмысленное. Я же полное говно... Еще один большой глоток водки не заставил себя долго ждать. Говно... Сажу тут как... Я закрыл глаза и понял, что меня начинает кружить. Последнюю котлету надо сохранить. Будет памятью. Па-мя-ть... ть-ю... Чего же так? А? Ох... Убиться этим пойлом вшивым да отрубиться, вот и весь вечер... счастье. Я взял котлету и сунул в морозилку. Заморожу! На века память от Евы!

Я сделал еще глоток и снова закрыл глаза, задрал голову. Просидел я так несколько минут.

Сука... боковой ами... ами-отро-фи-ческий склероз, мать его... Какова вероятность, что она словит такой джекпот? Церебральный паралич при рождении и ами... ами... короче, эта хрень трудновы-го-ва-ри-ва-е-ма... как у этого... у Хокинга...

Я кое-как встал и подошел к окну. Стоял, упираясь руками в подоконник, прислонившись лбом к морозному стеклу. Холод приятно растекся по голове. Котлета на память? Что за бред! На хрена мне эта память! Я открыл морозилку, схватил котлету и швырнул ее об стену. Мясной шарик разлетелся на куски в разные стороны, но один самый крупный кусочек упал на серый плиточный пол напротив меня.

Память...

Слезы потекли ручьем. А зачем мне что-то на память?! Кто это вообще выдумал?! Я и без котлет никогда ее не забуду! Я взял со стола бутылку, в которой осталась примерно одна треть и сел на холодный пол. Оставшуюся водку я выпил залпом, с трудом подавляя рвотный рефлекс. Зачем такое пошлое распитие? Как быдло... Я понятия не имел зачем. Хотел быстрее уйти в беспамятство. Желудок начал сокращаться. Сосредоточившись, я поднес кулак ко рту. Дышал носом. Икота усилилась, и я пополз к ошметкам котлеты, валявшимся на грязном полу. Я взял самый большой кусок и жадно сунул его в рот. Проглотил не жуя. Потом, опираясь на раковину, я встал и запил водой из-под крана. Икота начала стихать. Главное теперь, чтоб не вырвало. Не хочу утром убирать издержки этого, в кавычках, веселого вечера. Я лег на пол, раскинул руки в стороны. Изображение лампочки на проводе, служившей нам люстрой, двоилось. Я закрыл глаза и увидел австралопитека, пытающегося вытянуть из пасти крокодила своего ребенка... Тяжело жилось им... наверно...

Ева

Девочка почувствовала, как с нее пытаются стянуть штаны. В этот момент она ощутила, что правая нога ее не скована. Она изо всех сил вслепую лягнула одного из братьев и, судя по стону, попала ему пяткой в лицо. Ева начала ерзать на кровати, пытаясь высвободить руки, но они были связаны так сильно, что попытки освободиться пришлось оставить. Неожиданно в нос ударил запах дыма. До этого сидевший на ней один из братьев (Ева понятия не имела, какой именно) встал. Девочка тут же повернулась на спину. Вторую кровать охватило пламя. Одеяло, простыня и подушка горели. Оранжевые языки огня уже перекинулись на деревянную полку у стены. Стоящий на коленях Женя обеими руками держался за нос, из которого лилась кровь. Вася принялся поливать охваченную пламенем кровать водой из пятилитровой бутылки. Ева, не мешкая, вскочила на ноги и со всей силы пнула ногой по лицу дезориентированного от первого удара Женю. С визгом мужчина упал на бок.

– Туши! – Орал Женя, пытаясь отползти от Евы, но девочка продолжала яростно пинать его, намереваясь каждым ударом попасть в лицо.

– Говорил я тебе, не надо жечь свечи тут! – кричал Вася, продолжая лить воду из узкого горлышка.

Ева, поняв, что если Вася потушит огонь, то ей не спастись, с небольшого (буквально в два шага) разбега толкнула поливающего водой кровать мужчину. Тот от толчка уронил бутылку.

– Ах ты ж тварь малолетняя, – Вася ударил Еву кулаком в лицо. Попал под глаз. Девочка отлетела на пару метров назад и завалилась на спину.

Потолок снова поплыл перед глазами. Не дожидаясь, пока вестибулярный аппарат возобновит адекватную работу, Ева встала и, двигаясь по дуге из-за головокружения, навалилась на Васю, который пытался отвинтить крышку от следующей бутылки с водой. Огонь охватил деревянные стеллажи возле одной из стен и игриво лизал языками потолок из вагонки. Треть комнаты уже была охвачена пламенем. Братья кашляли от дыма.

– Ключ! – крикнул Женя, вытирая слезы, – ключ у этой сучки! Мы тут сейчас задохнемся!

Вася подбежал к Еве и снова ударом кулака в лицо сбил ее с ног. Мужчина принялся ощупывать карманы Евы.

– Нету! – крикнул он и закашлял, – нету! Где ключ, ты, тварь!

Он схватил ее за горло, но спустя пару секунд, поняв, что в этом нет смысла, отпустил.

– Я тебе глаза выдавлю, если не скажешь, где ключ! Будешь слепая ходить по земле!

– Я его не успела взять, – хрипло промолвила Ева, ожидая получить новый удар.

Густой дым заполнил все помещение, и Вася практически вслепую, продолжая кашлять и задыхаться, побрел к лестнице. Ева чувствовала, как дым заполняет ее легкие. Она встала на ноги спустя несколько секунд, но вокруг уже ничего не было видно. Сквозь треск огня Ева слышала стоны задыхающихся мужчин.

– Он не подходит! – вопил Женя, очевидно, пытаясь открыть замок.

Крики вперемешку с кашлем слились в один неразборчивый галдеж. Девочка почувствовала, как плавится ее прорезиненный дождевик и сапоги, сковывая тело. Все вокруг было охвачено пламенем. Ева стояла, объятая языками огня. Девочка горела и не чувствовала боли. Ее лицо исходило пузырьками обожженной плоти, но тут же невидимая сила регенерировала кожу и волосы на голове. Выставив руки вперед, Ева медленно сквозь пламя побрела к выходу. Крики горе-насильников стихли. Очевидно, мужчины потеряли сознание, надышавшись дымом, и в ближайшие пару минут их души отправятся в более ужасное место, чем то, где они сейчас находятся. Скользя сквозь дым и пламя, Ева добралась до лестницы, возле которой лежал Женя. Девочка перешагнула через скорее всего уже мертвого мужчину и полезла вверх

по горящим перекладинам. Черная от копоти деревянная крышка погреба все еще не поддавалась, но Ева понимала, что огонь вскоре поглотит это препятствие и выпустит ее из плена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.